

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

ЧЕЛОВЕК В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

© 2008 Ю.П. Воронов

Торгово-Промышленная Палата Новосибирской области

Консалтинговая фирма «Корпус»

E-mail: wrn@online.nsk.su

В статье обсуждается та модель человека, на которой строились и строятся в основной своей массе экономические теории. Показаны те упрощения и отклонения от реальности, которые приводят к неадекватности теории, к ее неспособности удовлетворять практические потребности, обеспечивать высокие темпы социально-экономического развития.

Ключевые слова: человек экономический, модель человека, атомарная модель общество, тайминг

Движение мирового сообщества по пути глобализации, унификации общественной жизни, единого стиля потребления идет под постоянный рефрен песни, почти оды рационально действующему «экономическому человеку» – homo oeconomicus. Именно он создал мировую рыночную экономику, именно ему мы обязаны всеми благами цивилизации.

Рациональное поведение есть важнейшая характеристика современного человека западной цивилизации. Рационально действующий человек в соответствии с общепринятой теорией приносит в мир только благо, поскольку он тщательно взвешивает плюсы и минусы своего очередного поступка, максимально используя свою способность принимать разумные решения, и эффективно используя информацию, которой он располагает.

Представление о том, что если все люди станут рационально мыслящими, взвешивающими плюсы и минусы каждого своего поступка, превращает практически каждого человека в торговца. Рабочий продает свою способностью к труду – рабсилу, парламентарий – свой голос в парламенте, чиновник – свое решение в отношении конкретного дела. Для всех новообращенных торговцев невыгодно существование людей, которые не поступают как рационально мыслящие, поэтому единым строем торговцы стараются ликвидировать остатки того социального устройства, в котором они составляли меньшую часть населения.

Если следовать учебникам, то экономическая теория основывается на представлении о рационально действующем человеке, так называемом homo oeconomicus, который всегда поступает разумно, ориентируясь на собственную выгоду. Этот выдуманный человек хорошо предвидит последствия собственных поступков, он прекрасно осведомлен в отношении своих конкурентов и будущей ситуации на рынке.

Представлением об «экономическом человеке» руководствуются не только преподаватели в студенческих аудиториях, но и государственные деятели в международных соглашениях, в деятельности МВФ, ВТО, да и большая часть национальных экономических программ осознанно базируется на нем.

Вместе с тем, концепция «экономического человека» никогда не работала как формализованный инструмент, она витала в головах теоретиков, оставалась «за кадром». Мы попытаемся вернуть интерес к этой интересной и предельно важной теме. Стоит отметить, что попытки уйти от представления о человеке как об «экономическом» субъекте начались сразу же, как только оно было предложено.

«Создавая свои труды в эпоху перехода к развитому рыночному обществу, Гоббс воспроизводит последовательность исторических событий как логику человеческой

природы. Экспроприация человека человеком, к которой в конце концов приходит Гоббс, представляет из себя, как показал Макферсон, теорию действия в экономике, основанной на конкуренции» [19, с. 127].

С точки зрения антрополога, это построение является типичной мифологической конструкцией, которая, впрочем, сегодня под грузом последующих наслоений уже почти не видна.

М. Сахлинс говорит: «Очевидно, что гоббсово видение человека в естественном состоянии является исходным мифом западного капитализма. Современная социальная практика такова, что история Сотворения мира бледнеет при сравнении с этим мифом. Однако также очевидно, что в этом сравнении и в сравнении с исходными мифами всех иных обществ миф Гоббса обладает совершенно необычной структурой, которая воздействует на наше представление о нас самих. Насколько я знаю, мы - единственное общество на Земле, которое считает, что возникло из дикости, ассоциирующейся с безжалостной природой. Все остальные общества верят, что произошли от богов...» [19, с. 131].

В каком же обществе прожили жизнь несколько поколений советских людей? По современным взглядам, это общество было ориентировано на иждивенчество и не соответствовало представлениям о нормальном, рационально действующем человеке.

Э. Тоффлер в «Третьей волне» видит своим предшественником Чарльза Дарвина, который так высказался относительно уничтожения аборигенов Тасмании: «С почти полной уверенностью можно ожидать, что в какой-то период в будущем... цивилизованные расы людей уничтожат и заместят дикие расы во всех уголках земли» [25].

Английский социолог Б. Барнес писал: «Ряд ведущих научных школ доказывают, что склонность к рациональному расчету и приоритет индивидуальных интересов при выполнении рациональных расчетов являются врожденной склонностью людей, системообразующей частью человеческой природы. Согласно этим теориям, выполнять рациональные расчеты и быть эгоистами - входит в самую сущность человека, и с этим ничего нельзя поделать... Наука играет (в этих теориях) фундаментальную роль. Благодаря ей люди становятся все лучше информированными, все более свободными для расчета последствий своих действий во все более широком спектре ситуаций и во все более продолжительной перспективе... Наука - предел непрерывного процесса рационализации. Научный прогресс ведет к утопии, в которой человеческая природа якобы может быть выражена полностью, где всякое действие есть свободное действие индивидуума, основанное на индивидуальном рациональном расчете» [11, с. 133].

Учение о рационально действующем индивиде способствовало разрушению того, что скрепляет общества, основанные на солидарности. «Никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь ясно и столь отчетливо, что не дает мне никакого повода подвергать это сомнению», - писал Декарт. Рационализм освобождал человека от множества норм и запретов, зафиксированных в традициях.

Декарт жил и работал тогда, когда практически отсутствовали крупные организационные структуры. Если бы он был знаком с теми ограничениями, какие накладывает на человека принадлежность к определенной общественной или производственной структуре, то не высказался бы иначе. По сравнению с такой постановкой требования, например, отдела кадров крупной корпорации, выглядели бы чрезмерными. «Человек организации» необходим для современной корпорации как человек с детерминированным поведением. Мне в жизни приходилось не раз встречаться с ситуацией, когда человека увольняют по случайному поводу, а между собой руководители организации приходят к единому диагнозу – «неуправляемый человек».

Оценка человека по критерию «управляемость» означает его превращение в средство для достижения некоторых целей, которые оторваны от конкретного лица, существуют вне него. При этом иррационализм такого решения состоит в том, что ситуация не прикладывается к самому «управленцу», которому видится только часть складывающейся ситуации. Отказывая «управляемому» в следовании его собственным целям, управленец и себя лишает этих целей.

В трудах необихевиористов, в частности Б. Скиннера, ставится вполне логично для данного направления мысли задача «проектирования культуры». В рамках ее решения следует формировать человека таким, «каким его хочет видеть общество». При этом представители необихевиоризма не хотят признавать, что подобную задачу ставили все тоталитарные общества. У современных «демократических» обществ существуют более широкие возможности манипулирования сознанием, что подкрепляется непротивлением такому манипулированию со стороны основной части людей, искренне поверивших в то, что они живут в обществе, где ведущую роль играют рационально мыслящие индивиды. Примерно такая же ситуация складывалась в Советском Союзе, когда декларировалось, что это государство рабочих и крестьян, при этом большая часть из них была лишена паспортов и, следовательно, даже возможности легально выехать за пределы своей местности.

Э. Фромм пишет: «В кибернетическую эру личность все больше и больше подвержена манипуляции. Работа, потребление, досуг человека манипулируются с помощью рекламы и идеологий. Скиннер называет это «положительные стимулы». Человек утрачивает свою активную, ответственную роль в социальном процессе; становится полностью «отрегулированным» и обучается тому, что любое поведение, действие, мысль или чувство, которое не укладывается в общий план, создает ему большие неудобства; фактически он уже есть тот, кем, как предполагается, должен быть. Если он пытается быть самим собой, то ставит под угрозу - в полицейских государствах - свою свободу и даже жизнь; в демократических обществах - возможность продвижения или, реже, он рискует потерять работу и, пожалуй самое главное, почувствовать себя в изоляции, лишенным коммуникации» [29, с. 55-56].

Однако вернемся к Адаму Смиту. Смешивание должного и сущего - главный способ искажения действительности в человеческом сознании. При этом отделить одно от другого невозможно. Что же мы хотим от фундаментального труда, который был написан почти четверть тысячелетия тому назад? За это время тысячи интерпретаторов наслоили на мысли Адама Смита свои размышления, которые касались уже проблем их современности. Вместе с тем, представляется несомненным, что для существования общества, состоящего из рационально мыслящих «экономических» людей, требовалось иметь в нем людей другого класса, тех, кто поступает иррационально. Именно они - капиталисты, а не рационально действующие индивиды, и дали название новому общественному устройству. Страсть к накоплению, движущая действиями капиталиста, представлена в работах Адама Смита как загадка, необъяснимое явление реальности. В таком виде она продолжает существовать до сих пор, если не считать двух развернутых попыток логически объяснить ее существование - американца Торстейна Веблена (функциональное объяснение) и россиянина Льва Николаевича Гумилева (цивилизационное объяснение в рамках концепции географического детерминизма).

Впрочем, если в теории этот феномен оставался и остается в значительной степени необъяснимым, то в обыденной практике пропаганда социального сумасшествия - безграничной страсти к накоплению - является привычной и давно кажется естественной. При этом по законам мифотворчества две принципиально отличающиеся друг от друга фигуры начинают сливаться в один образ - человека западного типа. Содержащий определенные элементы иррационального поведения, этот образ уже не попадает в